

Потерянные и обретенные: особенности идентичности сахалинских корейцев

Даниил Владимирович Кузнецов
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, daniil.kuznetsov.01@list.ru

Аннотация. На основе полевых исследований, включающих серию свободных интервью с респондентами и экспертами на Сахалине в июне 2024 г., и комплексного анализа отечественной и зарубежной литературы исследуется формирование и современное состояние идентичности сахалинских корейцев. В результате исследования выявляются её ключевые аспекты: устойчивый культурный синтез, проявляющийся в гибридизации ритуальных практик и повседневной культуры; глубинная связь с Сахалином как с малой родиной, особенно у представителей второго и третьего поколений; осознанное противопоставление себя корё-сарам; а также устойчивое ощущение чуждости в Южной Корее, формируемое различиями в поведенческих паттернах и языковом барьере. Особое внимание уделяется анализу обострившегося поколенческого разрыва, где первое поколение сохраняет ориентацию на историческую родину, в то время как последующие поколения идентифицируют себя прежде всего с Сахалином. Показано, как исторические условия – нахождение в японском колониальном пространстве, последующий правовой вакуум в СССР и ограниченные возможности репатриации – создали особый контекст для формирования этой идентичности. Установлено, что уникальность исторических условий и динамика формирования идентичности данной группы обуславливают необходимость её рассмотрения в качестве самостоятельного объекта научного социо-гуманитарного исследования. Практическая значимость работы заключается в возможности применения её выводов для разработки программ по поддержке культурного разнообразия и укреплению межпоколенческих связей внутри сахалинской корейской общины.

Ключевые слова: сахалинские корейцы, идентичность, культурный синтез, репатриация, гибридность, этничность, историческая память

Статья подготовлена в рамках реализации проекта "Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор "мягкой силы" (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований "Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности" 2023–2025 гг.)

Для цитирования: Кузнецов Д. В. Потерянные и обретенные: особенности идентичности сахалинских корейцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 26–33.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/26-33>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/26-33>

Lost and Found: The Distinctive Identity of Sakhalin Koreans

Daniil V. Kuznetsov
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for Humanities, Moscow, Russia, daniil.kuznetsov.01@list.ru

Abstract. Based on field research, including a series of in-depth interviews with respondents and experts in Sakhalin in June 2024, and a comprehensive analysis of domestic and international literature, this study examines the formation and current state of identity among the Sakhalin Koreans. The research identifies its key aspects: a persistent cultural synthesis manifested in the hybridization of ritual practices and everyday culture; a profound connection to Sakhalin as a small homeland, particularly among the second and third generations; a conscious self-distinction from the Koryo-saram; and a persistent sense of alienation in South Korea, shaped by differences in behavioral patterns and the language barrier. Particular attention is paid to the analysis of the accentuated generational divide, where the first generation maintains an orientation towards the historical homeland, while subsequent generations primarily identify with Sakhalin. The study demonstrates how the historical conditions – existence within the Japanese colonial sphere, the subsequent legal vacuum in the USSR, and limited opportunities for repatriation – created a unique context for the formation of this identity. It is established that the uniqueness of the historical conditions and the dynamics of this group's identity formation necessitate its consideration as an independent subject of socio-humanitarian research. The practical significance of the work lies in the potential application of its findings for developing programs to support cultural diversity and strengthen intergenerational ties within the Sakhalin Korean community.

Key words: Sakhalin Koreans, identity, cultural synthesis, repatriation, hybridity, ethnicity, historical memory

This article was prepared as part of the research project "Transborder Peoples of Siberia and the Russian Far East Within Russia: Success Stories as Soft Power Factors" (implemented under the Fundamental and Applied Research Program "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening All-Russian Identity" for 2023–2025).

For citation: Kuznetsov D. V. Lost and Found: The Distinctive Identity of Sakhalin Koreans // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 26–33. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/26-33>

Корейский народ, исторически объединенный общим языком, культурой и традициями, в результате геополитических событий XX в. оказался, по сути, искусственно разделён на несколько "ветвей". С позиций современной социокультурной антропологии эти процессы не просто разделили единый

народ, но и инициировали формирование новых, зачастую конкурирующих идентичностей, которые следует понимать не как врождённые или неизменные сущности, а как социальные конструкции, создаваемые в конкретных историко-политических условиях и часто используемые как инструмент для мобилизации конкретной человеческой группы [13].

На данный момент в научных и общественных дискурсах чаще всего выделяют три основные группы корейцев: южнокорейцы, северокорейцы и корейскую диаспору, рассеянную по миру. Тем не менее, такое деление требует ряда важных уточнений. Южная и Северная Корея, возникшие после раскола Корейского полуострова в 1945 г., за десятилетия противостояния сформировали две различные политические нации с отличающимися идеологиями, институтами и национальными нарративами [15, с. 167–168]. Такое разделение не ограничилось политикой, ведь оно проникло в сферы культуры, экономики и этнической самоидентификации, превратив "корейскость" в сложный, многогранный конструкт [17]. В этом контексте корейская диаспора постсоветского пространства, т. е., корё-сарам, часто рассматривается как одна из групп корейской диаспоры, проживающая на постсоветском пространстве, сохраняющая историческую и культурную связь со своей родиной через призму гибридной идентичности [16]. Однако, фокус на корё-сарам как на "главных" корейцах России и СНГ, обладающих своей собственной особой идентичностью и культурой, зачастую затеняет другую корейскую группу Российской Федерации – сахалинских корейцев, чьи судьбы формировались в иных исторических, политических и культурных условиях.

Начать стоит с того, что ключевое различие между корё-сарам и сахалинскими корейцами заключается в принципиально отличающихся условиях их формирования. Говоря о корё-сарам, нужно в первую очередь упомянуть корейскую миграцию в российские дальневосточные регионы в конце XIX в. Ещё в 1860-е–1880-е гг. корейцы, проживающие на северных территориях государства Чосон стали активно мигрировать на российские дальневосточные территории. Основной причиной миграции было крайне бедственное положение северокорейских крестьян того времени [8, с. 48–62]. В первой половине XX столетия корейская диаспора на Дальнем Востоке значительно выросла за счёт беженцев, спасавшихся от японского колониального гнёта на Корейском полуострове.

Основной же вехой в формировании непосредственно корё-сарам стала депортация корейцев с Дальнего Востока на территории Казахстана и Средней Азии в 1937 г. Оказавшись в условиях сильного географического разрыва с исторической родиной, находясь в совершенно иной культурной среде, депортированные корейцы сумели адаптироваться к "новой реальности", производя синтез корейских традиций и местных культур, а после Второй Мировой войны, они стали активно включаться в советскую жизнь и ментальность [14]. Все эти условия и стали причиной формирования особой корейской идентичности, появления на советском и постсоветском пространстве новой общности – корё-сарам [14].

Если корё-сарам – потомки корейцев, переселённых в 1937 г. с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан, со временем были официально признаны полноправными советскими гражданами и целенаправленно включались в общесоюзные проекты "национального строительства" [5], то сахалинские корейцы, изначально оказались в зоне японского колониального влияния, после войны попали в правовой и социальный вакуум, долгое время оставаясь без чёткого гражданского статуса и вне рамок открытой советской национальной политики.

История сахалинских корейцев связана с японской колониальной экспансией. После русско-японской войны 1904–1905 гг. южная часть Сахалина (Карафуто) перешла под контроль Японии. В 1930-х гг. Япония стала массово завозить корейцев из южных регионов Корейского полуострова на Карафуто для работы в угольных шахтах, на рыбных промыслах и военных объектах. К 1944 г. корейское население Карафуто составляло более 25 тыс. человек [3].

После Второй Мировой войны Южный Сахалин вошёл в состав Советского Союза, а корейцы, завезённые сюда японцами, оказались в своего рода политической ловушке. Во-первых, организовать масштабную программу по репатриации корейского населения не удалось. Япония, подписав Сан-Фран-

цисский договор 1951 г., официально отказалась от претензий на Сахалин, исключив местных корейцев из числа японских поданных и, соответственно, из списка репатриантов [9, с. 41–42]. Республика Корея, провозглашенная в 1948 г., по ряду дипломатических и экономических причин также не взяла на себя ответственность за их возвращение [9].

Во-вторых, Советский Союз и сам изначально не стремился решать вопрос репатриации корейцев на Сахалине, поскольку они были важным трудовым ресурсом для послевоенного восстановления острова. Впоследствии эта ситуация усугублялась сложившейся практикой взаимодействия СССР с КНДР, которая проводила политику по привлечению зарубежных корейцев [1; 6]. По мнению историка А. Т. Кузина, вплоть до 1970-х гг., т. е. до момента форсированного предоставления гражданства сахалинским корейцам, советское правительство действительно содействовало Северной Корее в привлечении корейцев Сахалина на свою территорию [7]. Эта версия отчасти находит своё подтверждение в полевых материалах автора: респонденты сообщали, что в 1950–1960-е гг. северокорейская сторона действительно предлагала сахалинским корейцам переехать в КНДР, и некоторые из их родственников в итоге воспользовались этим предложением (ПМА. Экспедиция в южной части Сахалинской области: г. Холмск, г. Невельск, г. Корсаков, г. Южно-Сахалинск, июнь 2024 г.)¹.

В итоге сахалинские корейцы стали своего рода "островными заложниками", которые из-за сложившихся геополитических обстоятельств не имели возможности вернуться на свою историческую родину. Оказавшись в условиях вынужденной культурной изоляции, они стали постепенно приспосабливаться к жизни на Сахалине, не теряя при этом надежды вернуться домой.

С налаживанием жизни на острове, а также начавшимся в 1970-х гг. процессом выдачи советских паспортов, изоляция корейского населения Сахалина постепенно сходилась на нет. Всё больше сахалинских корейцев интегрировалось в советское общество. Кроме того, во второй половине 1980-х гг., на фоне разрядки между социалистическим и западным блоками, значительно активизировалось общественно-политическое движение корейцев Сахалина за возвращение на родину, [1, с. 172–175].

В 1990-х гг., после распада Советского Союза, Республика Корея, Япония и Международный комитет Красного Креста стали разрабатывать совместную программу по репатриации сахалинских корейцев в Южную Корею. Япония, частично признавая свою ответственность за проблемное положение корейцев Сахалина, согласилась на материальную помощь в организации перевозок и строительства жилья для будущих репатриантов в РК [9, с. 44–45]. Благодаря совместной разработанной корейско-японским программам корейская община Сахалина налаживала свои связи с Южной Кореей, благодаря чему многие из сахалинских корейцев получили возможность посещать её территорию. Фактически, программа репатриации сахалинских корейцев была окончательно запущена в 1999 г., и за период 2000–2015 гг. на территорию Южной Кореи вернулись более 4 тыс. сахалинских корейцев [9, с. 46].

Стоит, однако, отметить, что программа репатриации касалась в первую очередь сахалинских корейцев первого поколения, т. е. корейцев, которые были переселены на южный Сахалин до 15 августа 1945 г. Второе и третье поколения получили возможность получения туристической визы в упрощенном порядке, а также более лучшие и стабильные условия для временной трудовой миграции в РК [1, с. 213–214].

Одновременно с этим, в 90-х гг. на Сахалине активизируется процесс корейского "культурного и духовного возрождения". Создаются культурные и общественные корейские организации, во многих образовательных учреждениях вводятся факультативные занятия по изучению корейского языка, при поддержке РК создаётся Корейский Культурный центр в г. Южно-Сахалинске [1, с. 185–190]. Северокорейское правительство также не оказывало поддержку сахалинцам в "корейском возрождении", хотя и менее активно. При общении с Юлией Енчеровой Син, главой корейского направления детской школы искусств "Этнос" в Южно-Сахалинске, выяснилось, что выстроить сильное

¹ ПМА – полевые материалы автора.

и стабильное корейское музыкальное отделение удалось именно благодаря гражданам КНДР (ПМА, 2024).

Общую численность корейского населения на о. Сахалин достаточно проблематично определить. По данным сайта МИД РФ, на 2024 г. на территории Сахалинской области проживает 457 590 человек, из которых 5,3%, то есть, 24 252 человека, являются корейцами [11]. При общении с представителями корейских общественных организаций на территории Южного-Сахалина в 2024 г. они оценивали общую численность корейского населения на Сахалине в районе 30–40 тыс. человек (ПМА, 2024). Ряд общедоступных электронных ресурсов, тем не менее, указывает на то, что на Сахалине проживает около 45 тыс. корейцев [4; 10]. На территории южного Сахалина, в разных населённых пунктах, действует ряд корейских общественных организаций, крупнейшей из которых является РООСК (Региональная общественная организация "Сахалинские корейцы").

По нашему мнению, основными "столпами" идентичности сахалинских корейцев можно назвать:

1) Признание собственной особой исторической судьбы и привязки к Сахалину.

2) Синтез корейской и русской культуры.

3) Противопоставление себя корё-сарам.

4) Осознание собственной чуждости в Южной Корее.

Остановимся на рассмотрении данных пунктов более подробно.

В условиях вынужденной изоляции и невозможности поддержания контактов со своей исторической родиной, Южной Кореей, выросло несколько поколений сахалинских корейцев. В отличие от первого поколения, современные корейцы на Сахалине не воспринимают остров, который они населяют, как "временное прибежище" и "вынужденную стоянку". Для второго и третьих поколений корейцев Сахалин – родной дом, малая родина, место, где выросли они, и где теперь растут их дети и внуки. Как указывает российская исследовательница Ю. И. Дин, современные сахалинские корейцы ощущают особенную связь с родным для них островом, они, хоть и воспринимая себя как корейскую диаспору, не ощущают себя частью Корейского полуострова – их родина здесь, среди сахалинских сопок и местных посёлков [1, с. 218–222]. Это, в том числе, подтверждается и полевыми материалами автора (ПМА, 2024).

Современные сахалинские корейцы продолжают сохранять традиционные элементы корейской культуры. Выражается это, в первую очередь, через соблюдение обрядов предкопочитания (*чеса*), особенно важные в дни поминовения усопших предков (*Чхусок* – День урожая и осеннего поминовения, *Хансик* – День холодной пицци / весеннего поминовения). Особенно широко отмечается праздник *Толь* – первый день рождения ребенка, символизирующий его вхождение в общество и включающий ритуал выбора будущего (*тольджаби*). Помимо этого, важным аспектом является сохранение корейской музыкальной и художественной традиции, которая проявляется через активную деятельность корейских народных и творческих коллективов (ПМА, 2024). Устойчивым маркером идентичности сахалинских корейцев является и корейская традиционная пищевая культура. Современные корейцы Сахалина продолжают готовить *кимчи* (острая квашеная капуста), а также блюда из морепродуктов – салат из морской капусты, *тонгхэ-ччигэ* (рыбное рагу), *хе-мультан* (суп из морепродуктов) (ПМА, 2024). Однако, стоит отметить, что одной из основ современной кухни сахалинских корейцев стало использование местных дикоросов (лопух, черемша, папоротник), что не характерно для традиционной пищевой культуры Южной Кореи. Использование дикоросов в пище, скорее, является следствием адаптации местного корейского населения к жизни на Сахалине.

Тем не менее, длительное совместное проживание с русским населением и процессы интеграции корейцев в советское, а потом в российское общество, привели к глубокому взаимопроникновению русской и корейской культуры. Помимо соблюдения традиционных корейских *чеса*, многие сахалинские корейцы, подобно своим русским соседям и друзьям, стали отмечать дни поминовения усопших в рамках православного календаря. Посещение кладбищ в Радоницу (второй вторник после Пасхи), в Родительские субботы, поминаль-

ные трапезы в эти дни – стали распространённой практикой, дополняющей, а иногда и замещающей традиционные корейские поминальные дни (ПМА, 2024). Особенно заметен культурный синтез на "повседневном столе". Произошло не просто соседство, но органичное комбинирование блюд. Многие корейские семьи на Сахалине сочетают *кимчи*, *панчханы* (корейские закуски), блюда из дикоросов, с такими русскими блюдами как борщ, щи, пельмени и картофель с мясными котлетами. "... Да, знаете, я жизнь без борща и щей представить себе уже не могу. На праздниках обязательно у нас и наши корейские блюда будут, жареный лопух, и, конечно, выпечка русская, пирожки с капустой там, щи и борщ, конечно. (Смех). Вы, что, всё это вместе очень вкусно, на самом деле! Так и русские же тоже наши блюда едят. У каждого, теперь, вместе с пельменями *кимчи* наша стоять будет, да и другие наши закуски не редкость" (ПМА, 2024). Кроме того, доминирующее большинство современных сахалинских корейцев, в особенности представителей третьего и четвёртого поколений, используют именно русский язык как основной язык общения в жизни.

Принципиальной и осознанной позицией в самоидентификации современных сахалинских корейцев является отделение себя от корё-сарам, используя для обозначения последних словосочетание "материковские" корейцы (формулировка, созданная самими сахалинскими корейцами). Как указывает Дин, начиная с середины прошлого столетия, когда на южный Сахалин стали прибывать корейцы из других регионов СССР, сахалинская община корейцев явно чувствовала свою инаковость по отношению, казалось бы, к представителям того же народа [2]. Выражалось это в первую очередь в том, что большинство из прибывающих "новых" корейцев были выходцами из территорий северной части Корейского полуострова. Их язык, привычки и некоторые элементы обрядовой культуры во многом были чужды сахалинским корейцам, прибывшим с территории Южной Кореи. Это в том числе находило своё отражение в том, что большинство корейцев Сахалина не желало перебираться в КНДР в 1950–1960-х гг., т. к. они чувствовали свою чуждость по отношению к возникшему северокорейскому государству. Те немногие сахалинские корейцы, которые в итоге согласились получить гражданство КНДР, видели в этом возможность перебраться в Республику Корея, дабы вернуться к землям своих предков [2]. Современные сахалинские корейцы не раз подчеркивали то, что их крайне оскорбляет даже гипотетическая возможность их сравнения с "материковскими" корейцами (ПМА, 2024).

Однако, современные сахалинские корейцы уже не чувствуют своей близости и к Южной Корее. Особенно это проявляется в историях представителей второго и третьего поколений. Многие из респондентов, посещавших РК, не раз отмечали, что южнокорейцы воспринимают их в первую очередь как "русских". Со слов самих корейских сахалинцев, их поведение, повадки, стиль общения часто выделяют их в среде южнокорейского общества. Даже несмотря на закон "О поддержке Сахалинских корейцев" от 2021 г., принятый в РК, позволяющий представителям второго поколения сахалинских корейцев репатрироваться в Южную Корею (при условии, что на её территории уже проживают их родственники) [12], стремления вернуться к "корням своим" у второго поколения почти не наблюдается (ПМА, 2024).

Особенно сказывается на современном восприятии сахалинских корейцев гражданами РК и тот факт, что многие из "островитян", представителей третьего поколения, сейчас и вовсе не владеют корейским языком, что сильно усложняет их коммуникацию с южнокорейцами. При этом, как указывают множество молодых корейских респондентов на Сахалине, трудовых мигрантов с острова граждане Республики Корея воспринимают не слишком положительно. Связано это с тем, что многие южнокорейцы считают несправедливым тот факт, что мигранты с Сахалина обладали рядом преференций при найме на работу, а также имели ряд дополнительных выплат и льгот (ПМА, 2024). Однако, как указало множество молодых корейских респондентов на Сахалине, сейчас трудовая миграция в Южную Корею для них не является перспективной, и особый статус и дополнительные трудовые преференции им больше не выдаются (ПМА, 2024).

Если же говорить о современных проблемах внутри общества сахалинских корейцев, то, по нашему мнению, главной из них является проблема

сильного поколенческого разрыва. Самоидентификация первого поколения сахалинских корейцев сильно отличается от поколений последующих. Они в первую очередь ощущают себя именно корейцами, история, культура и судьба которых неразрывно связаны с Южной Кореей. Воспитанные в лоне корейской конфуцианской этики, Республика Корея для представителей первого поколения – земля предков, к которой просто необходимо вернуться. Последующие же поколения сахалинских корейцев в действительности особой исторической связи с Южной Кореей уже не чувствуют. В их представлении Республика Корея является скорее "мифологической прародиной", чем настоящим домом. Для второго и третьего поколений дом – это не пространство, где живут предки, а место, где растут их дети и внуки (ПМА, 2024). Поэтому, для многих сахалинских корейцев запуск программы репатриации в Южную Корею стал настоящим ударом: их родители покинули их, и многие корейские семьи, как и в первой половине XX в., оказались вновь разделены [1, с. 206–207].

Актуален сейчас также и разрыв между вторым и третьим поколениями. Второе поколение всё чаще склонно отмечать, что их дети и внуки утрачивают свою "корейскость": мало что знают о корейской культуре, слабо или вовсе не владеют корейским языком. Некоторые из наших молодых корейских респондентов также отмечали, что всё больше чувствуют себя скорее русскими или "сахалинцами", чем корейцами (ПМА, 2024).

Хотя десятилетия тесного взаимодействия с русской культурой на Сахалине оставили отпечаток на быте, языке, ритуалах местных корейцев, говорить об их полной ассимиляции русскими категорически нельзя. Их идентичность представляет собой не растворение, а устойчивый синтез и постоянную динамику, где традиционные элементы не исчезли, а трансформировались. Кроме того, как отметило множество наших респондентов разных возрастов, интерес к "корейскому" сейчас переживает новый подъем на фоне глобального интереса к корейской культуре (ПМА, 2024). Тем не менее, по нашему мнению, основой современной идентичности этой группы становится не абстрактная "корейскость" и не "русскость", а глубокая связь с Сахалином как местом жизни, памяти и формирования уникальной общности.

Современная культура сахалинских корейцев представляет собой достаточно устойчивую гибридную культуру, с ярко выраженной "локально-патриотической" компонентой, сформированной в условиях уникальной исторической судьбы этого народа. Однако их идентичность определяется не столько через сохранение особых этнокультурных традиций, сколько через осознание своей отличности от других корейских групп. Эта "другость" проявляется, прежде всего, в последовательном противопоставлении себя "материковским" корейцам (корё-сарам), чья история и культурный опыт связаны с совершенно иным контекстом советской и постсоветской реальности. Одновременно сахалинские корейцы ощущают свою дистанцированность как от Северной Кореи, с которой их пытались искусственно связать в советский период, так и от современной Южной Кореи, где они сталкиваются с восприятием себя как "русских". Таким образом, уникальность сахалинских корейцев кристаллизуется не в изоляции, а в постоянном диалоге-противопоставлении с другими "корейскостями", что и формирует основу их самосознания как особой общности. Выявленная специфика идентичности и внутригрупповой динамики сахалинских корейцев обуславливает необходимость их дальнейшего изучения в качестве самостоятельного и независимого объекта научного социо-гуманитарного анализа.

Литература / References

1. Дин Ю. И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. 332 с.
Din Yu. I. The Korean Diaspora of Sakhalin: The Problem of Repatriation and Integration into Soviet and Russian Society. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Printing House. 2015. 332 p. (In Russ.)
2. Дин Ю. И. Корейцы Сахалина в поисках идентичности (1945–1989 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2014. № 6 (128). С. 237–249.
Din Yu. I. Sakhalin Koreans in Search of Identity (1945–1989) // Bulletin of RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2014 No. 6 (128). P. 237–249. (In Russ.)

3. Дин Ю. И. Миграция корейского этнического населения на южный Сахалин в период японского правления (1905–1945 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (24). С. 34–42.
Din Yu. I. Migration of the Korean Ethnic Population to Southern Sakhalin During Japanese Rule (1905–1945) // Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East. 2013. No. 4 (24). P. 34–42. (In Russ.)
4. История Сахалинских корейцев // DTF. URL: <https://dtf.ru/life/2657513-istoriya-sahalinskih-koreicev> (дата обращения: 11.03.2025)
History of Sakhalin Koreans // DTF. URL: <https://dtf.ru/life/2657513-istoriya-sahalinskih-koreicev> (accessed 11.03.2025) (in Russ.)
5. Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. Алматы: МГП "Принт". 1995. 346 с.
Kim G. N., Men D. V. History and Culture of Koreans in Kazakhstan. Almaty: MGP "Print". 1995. 346 p. (In Russ.)
6. Кузин А. Т. Сахалинские корейцы: история и современность. Документы и материалы, 1880–2005. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство. 2006. 460 с.
Kuzin A. T. Sakhalin Koreans: History and Modernity. Documents and Materials, 1880–2005. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Book Publishing House. 2006. 460 p. (In Russ.)
7. Кузин А. Т. Трансформация гражданского статуса сахалинских корейцев // Власть. 2008. № 8. С. 75–78.
Kuzin A. T. Transformation of the Civil Status of Sakhalin Koreans // Vlast'. 2008. No. 8. P. 75–78. (In Russ.)
8. Нам С. Г. Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.) / РАН. Ин-т востоковедения. М.: ИВ РАН, 1998. 188 с.
Nam S. G. Russian Koreans: History and Culture (1860–1925) / Russian Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies. M.: IV RAN, 1998. 188 p.
9. Пак А. Л., Савкович Е. В. Программа репатриации сахалинских корейцев общества Красного Креста Республики Корея и Японии // The Newman in Foreign Policy. 2019. № 47 (91). С. 41–46.
Pak A. L., Savkovich E. V. The Repatriation Program for Sakhalin Koreans by the Red Cross Society of the Republic of Korea and Japan // The Newman in Foreign Policy. 2019. No. 47 (91). P. 41–46. (In Russ.)
10. Сахалинские корейцы – история, численность и расселение народа, язык и письменность // РУ-ВИКИ. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сахалинские_корейцы (дата обращения: 10.03.2025)
Sakhalin Koreans – History, Population and Settlement, Language and Writing. RUWIKI. Available at: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сахалинские_корейцы (accessed 10.03.2025) (In Russ.)
11. Сахалинская область // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1424301/ (дата обращения: 16.11.2025)
Sakhalin Oblast // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1424301/ (accessed 16.11.2025) (In Russ.)
12. Специальный закон о поддержке сахалинских корейцев (принят 29 апреля, вступает в силу с 01.01.2021 года) // Южно-Сахалинская канцелярия Генерального консульства Республики Корея в г. Владивостоке. URL: https://overseas.mofa.go.kr/ru-sakhalin-ru/brd/m_22030/view.do?seq=2 (дата обращения: 13.03.2025)
Special Law on Support for Sakhalin Koreans (adopted April 29, comes into force on 01.01.2021). Yuzhno-Sakhalinsk Office of the Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok. Available at: https://overseas.mofa.go.kr/ru-sakhalin-ru/brd/m_22030/view.do?seq=2 (accessed 13.03.2025) (In Russ.)
13. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова // Сб. науч. ст. [сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011. 670 с.
The Phenomenon of Identity in Modern Humanities: To the 70th Anniversary of Academician V. A. Tishkov // Collection of scientific articles; [comp. by M. N. Guboglo, N. A. Dubova]; N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. M.: Nauka, 2011. 670 p. (In Russ.)
14. Хан В. С. Коре Сарам: кто мы? (Очерки истории корейцев). Бишкек: ИЦ "АРХИ". 2009. 208 с.
Khan V. S. Koryo Saram: Who Are We? (Essays on Korean History). Bishkek: IC "ARKHI", 2009. 208 p. (In Russ.)
15. Armstrong C. The Koreas. Second Edition. Routledge, 2013. 210 p.
16. Kim G. Koryo Saram, or Koreans of the Former Soviet Union: In the Past and Present // Amerasia Journal. Vol. 29 (3). 2003. P. 23–29.
17. Shin G. Ethnic Nationalism in Korea: Genealogy, Politics, and Legacy. Stanford University Press, 2006. 307 p.

Информация об авторе

Даниил Владимирович Кузнецов, лаборант-исследователь, аспирант Отдела антропологии Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: daniil.kuznecov.01@list.ru

Information about the author

Daniil V. Kuznetsov, Research Assistant, Postgraduate Student, Department of Anthropology of the East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: daniil.kuznecov.01@list.ru

Поступила в редакцию 10.10.2025

Received 10.10.2025

Одобрена после рецензирования 11.11.2025

Approved 11.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Accepted 27.11.2025